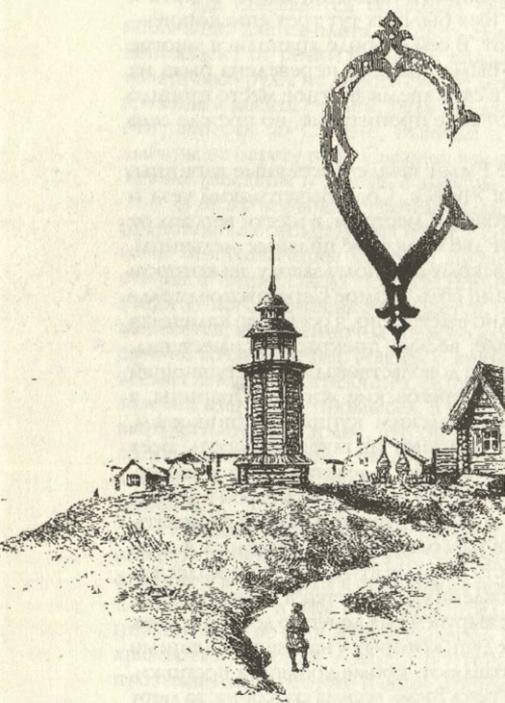

ЗАБЫТАЯ РЕКА

инею лентою, чуть не на две тысячи верст разлилась Печора — река, богатая и лесом, и пушным зверем, и рыбою всякою. «Началась Печора там, где три горы стоят вместе; прежде горы те до неба доходили, и по ним добрые люди всходили на небо; но теперь Ен рассердился на людей, сплющил три горы, и заплакали они горючими слезами: Печор — Яталах — Чатль заплакал Печорою, Койп заплакал Лозвою, а Яны-Лундхуан заплакал Вишерою, и понеслись слезы их к разным морям, к разным народам — пусть народы знают, каково не слушать Ена». Так говорят зыряне, а мы, прозаики, скажем: вытекла Печора из того места, где Вологодская, Пермская и Тобольская губернии сошлись вместе, из ручьев, берущих начало на горе Печор—Яталах—Чатль. Едва сделавшись рекою, Печора заявляет уже, что она не малая реченька, могла бы и рада была бы прокормить деятельное население, но не она виновата, если человек не пользуется ни ее богатствами, ни тем, что по всему своему течению представила она ему покойную, удобную, дешевую и широкую дорогу для торговли. Было

впрочем время, когда на Печоре замечалось, по-видимому, более жизни: шел по ней караван из самых недр Азии на потребу европейского заезжего купца, который давно знал о существовании в стране счастливых биармийцев реки широкой, привольной для торговли. Еще Отер — родом скандинав — описывал Биармию чрезвычайно богатою странюю, а предание гласит, что где-то в верховьях Печоры и торговое место было излюбленно особое, куда с одной стороны приезжали датчане, шведы и норвежцы, а с другой болгары, и производили размен товаров индийских, греческих и персидских на европейские и туземные. На берегу печорской Мылвы, как раз на половине волокового пути от Троицкого нынешнего погоста к вычегодской Мылве, находится и до сих пор обширный луг, называемый «Торговищем»; тянется он по обоим берегам печорской Мылвы, больше версты, а в ширину имеет более ста сажень; находят тут обломки кирпичей, а если покопать с толком, то, может быть, удалось бы открыть и другие следы отжившей, былой цивилизации. Если не велика, то по крайней мере экстенсивна была торговля Печорского края и торговое значение реки значительнее; когда наш Великий Новгород участвовал в ганзейской торговле, а пожалуй, и раньше того, шли товары по Сухоне, Вычегде и через переволок между обеими Мылвами попадали на Печору, по ней направлялись они уже далее в Сибирь и на Урал; другой путь торговый шел через Сось, Усу, по Печоре, Ижме и Ухте, через переволок на Вымь и далее на Вычегду и Сухону к Новгороду. Но помнит народ припечорский и о третьем пути, имевшем еще большее значение и шедшем от Каспийского моря к Северному океану; тянулся он будто бы по Волге и Каме чрез Чердынские места на реки Колву, Вишерку, Березовку и Вогулку, а там шел волоком всего 10 верст и затем встречал реку Волосяницу, впадающую уже в Печору. Этим путем, видимо, производили торговлю болгарские купцы со скандинавскими, которые приходили к устьям Двины и Печоры. Сказывают тоже старые люди, что был и другой путь из Волги через Печору в Европу, причем соединяющим звеном служила река Локчим, впадающая в Вычегду. Важно однако то, что и на Печорском волоке между Волосяницею, Вогулкою, и на Локчимском волоке уцелели еще следы старинной тележной дороги; выросли на ней уже вековые деревья и, может быть, не первое поколение лесов покрывает этот, словно за ненадобностью заброшенный, древний торговый путь. Видимое дело, что если здесь именно лежала торговая дорога из Азии в Европу, то край этот не мог быть пустыней; но прошли года, набег дикарей или другие обстоятельства разогнали и уничтожили стародавнее население и местную цивилизацию; дело забросили, так как не о том приходилось думать последующим владыкам края — московским князьям, а потому и пути заросли вековыми деревьями, а о стародавнем плавании по морям севера не осталось даже никаких преданий.

Разве только одни новгородцы знали на Руси о баснословных богатствах Югорско-

Печорского края и пользовались этими богатствами «во славу Св. Софии» и «Осподина Великаго Новгорода»? Сначала прошли в Новгород только слухи вроде того, что слышал Гюрята Рогович о народе, живущем в горах и подающем шкуры в окошко, или же, что пермяки-зыряне ставят в могилы своих покойников золотые сосуды; затем решительные люди завели сношения с припечорским населением, но понятно, что, когда направление товаров изменилось, то и все течение Печоры должно было остаться вне торгового пути, который по силе вещей направился на Сухону и далее на Новгород. Заснула Печора и спит до сей поры непробудным сном, несмотря на то, что старались разбудить ее и воскресить отдельные энергические люди, вроде Латкина и Сидорова. Конечно, Новгород не мог поставить Печорский край на высокую степень развития, не мог он и сделать Печору жизненною жилою всего громадного северо-восточного угла Европейской России. Преследуя чисто промышленные и узко-новгородские цели, новгородцы сделали прежде всего грозною отдаленного Печорского края, приходя туда скорее ради грабежа и захвата, нежели ради правильных международных сношений; даже и в XIII веке мы не находим никакого основания утверждать, что они были полными, спокойными обладателями северо-востока России, хотя и называли себя весьма упорно «волостителями» Перми, Печоры и Югры; они делали набеги на эти страны и потому смотрели на них как на временную поживу и не обращали, напротив того, никакого внимания на развитие местной производительности и на возможность дальнейшего развития и преуспеяния страны. Новгород повернул торговый биармийский путь с Печоры на Сухону, и Новгород ничего, кроме зла, не сделал для Печорского края и его жителей, а Москве и вовсе дела не было до Печоры и иностранной торговли в Европе, которой она всегда чуралась, как какой-то нечисти.

А между тем Печора стояла того, чтобы люди занялись ею. Еще в Пермской губернии, верстах в 100 от своего начала, у дер. Усть-Волосяницы, ширина реки достигает 70 саж., и судоходна она даже для пароходов, что доказал г. Сидоров, именно здесь спустивший на воду свой пароход «Печора». Берега реки здесь пустыньны, хотя и покрыты громадными лиственничными лесами, которых не касалась еще рука человека. Тут неподалеку находится и Якшинская пристань, с которой грузы, привозимые зимой из Чердыни, сплавляются на устье Печоры, а доставляемые с низовьев реки, наоборот, перевозятся в Чердынь; с сотню небольших амбарушек, принадлежащих чердынским купцам, да с десяток двухэтажных местного ухвата домов — вот и вся Якша, служащая соединительным звеном между крайним северо-востоком и Волгою. Летом в Якшинской пристани никто не живет по той простой причине, что и жить незачем, так как товары летом идут далее и разгружаются лишь на волоке между Волосяницею и Вогулкою, и только осенью наезжают в пустынную Якшу торговцы для разгрузки судов с брусками, точилами и пушным товаром, для загрузки их на воза и дальнейшей отправки на Чердынь и далее на потребу русского люда. Среди лиственничных лесов зачастую попадаются здесь кедры с их широкими шапками на верхушке. Все более и более расширяясь, два раза на своем пути стесненная небольшими острогами Сабли-горы и давши небольшие, легко проходимые пороги, Печора достигает наконец 100 - 125 саж. ширины у Мылдинского или Троицкого погоста. Все это еще места такие, где земля не клята Богом, и возможное дело пахать ее и сеять.

В прежние добрые времена, когда дозволено было свободно делать лесные подсеки для хлебопашества, когда еще никто не берет лесов, которых здесь и девать некуда, — хлеба в этом краю было достаточно, так что рожь отправляли в Архангельск на нескольких барках, и новина в хороший урожай давала до сам-пятидесяти зерен. Но с тех пор как начали принимать меры к охранению лесов от подсок, сопряженных с выжиганием лесных пространств, пришлось жителям со ржаной муки перейти на «кач», или муку из сосновой коры. «Кач» — штука настоящая печорская, хотя под другими наименованиями она известна и в других краях нашей родины. Для нее берут кору, сушат ее, толкут и затем варят, как кашу. Странное дело! Все припечорцы питаются этим нечеловеческим кормом, и все-таки большинство из них здорово на вид и не особенно страдает болезнями желудка. Летом, когда под промысел или под другую какую работу купцы и приказчики раздадут муку, народ выправляется вовсе и делается свежим и румяным. Дорога мучка для припечорца, так дорога, что он не задумается даже на покупку муки последнюю корову продать. «Будет житье, — наживем и корову, а теперь хлеба надо». Кач чуть не во всех деревнях по Печоре составляет необходимую пищу; он горек на вкус, вовсе не питателен, но поддерживает существование несчастных людей, особенно коли рыбки в него крошат или молочка подольют. Скота держат верхнепечорцы не много, так как торговать им нельзя, да и угодей таких нет, чтобы плодить скот в больших количествах, а главный промысел по всему Верхнепечорью составляет звероловство с отходом в зауральские леса.

Наконец, верстах в 300 от Троицкого погоста впадает в Печору река Шугор, где уже хлеба не сеют, так как он здесь вовсе не родится, а занимаются больше рыбной ловлей. Дня лова рыбы крестьяне поднимаются в верховья реки и производят самый лов артелями: все тут дело в том,

чтобы условиться человеком 40 или 50, загородить реку заколом, поставить в свободные места морды, да и неводить с верховья к заколу; понятное дело, что вся рыба промысловая, если она в невода не попадет, то затешется прямо в морду. Одной семги на брата выходит пудов по 18 — 20.

Тут -то, близ Щугора, находится знаменитая Брусаяная гора, которая снабжает брусаяным и точилаьным камнем чуть ли не всю Россию, по крайней мере добрую ее половину, хотя и в Польше встречаются бруски, известные в торговле под именем «печурков». Уже в 1638 году грамотою царя Михаила Федоровича ломка камня на Печорской Брусаяной горе предоставлена была печорскому и устьянемскому обществам, за «малоимением пашенной земли, сенных покосов, и паче за недородом хлеба». Права эти подтверждены были грамотою царей Иоанна и Петра Алексеевичей, но в 1840 г. Палата Государственных Имуществ отдала гору в аренду на 12 лет, по прошествии которых арендаторы постарались возобновить условие, да так и порушили стародавние права крестьянские. Нелегкая работа — брусаяное дело, да делать его надо с рассудком.

В ноябре или в декабре месяце оповещают арендаторы, что нужно им выделать сколько-то точил и брусев; было бы оповещено, а крестьяне сами между собою распределят уже, почем придется на брата, заключат с арендаторами условия и разбудутся задатками. Задаток — великое дело: его в казначейство за подати снести можно, и семейству «подсыпки» кушать, чтобы не очень уже отошдали от горького кача, а там и выговаривать у хозяев можно, сколько на брусаяное дело потребуется муки, крупы, пороха и т. п. припасов, чтобы вовремя все это заготовить, а то стоять можно без корму и с одними руками, которые хоть и могут всякое дело справить, а только гору без пороха не разорвут. Чуть весна скажется в воздухе, собираются крестьяне в партии, а по открытии навигации отправляются на некрытых плоскодонных судах, что слывут в здешнем народе повозками и поднимают грузу, смотря по величине, от 300 и до 1000 пудов, а то так и запросто на каюках, вниз по Печоре к Брусаяной горе. На обратном пути те же повозки прихватят с собою брусая и точила и развезут по пристаням.

Добрый работник, коли задастся ему дело и нападет он на хороший камень, может в продолжение двух — трех месяцев наделать до 150 пудов точил и сдать их, коли только приказчики не заартачатся, да не станут из злобы браковать и брак в лом швырять. Конец работам полагается в конце июля, в августе, а то и в начале сентября, когда выработанный товар грузят на повозки на р. Соплеск и по ней сплавляют до Печоры. Иная такая осень выдастся, что в Соплеске воды — хоть курица бреди, и тогда перевоз камня до Печоры бывает так затруднителен, что и третью часть обычного груза едва можно сплавлять. В этом случае на помощь делу являются мелкие каюки и палодки, которые перевозят товар по мелочам либо до Якшинской пристани (500 верст), либо до Виленской на р. Мылве (550 верст). Тут, конечно, весь успех сплава зависит от ветров: дует попутень — так и в несколько дней до места доберутся, а как завернет противень, так промаются и целый месяц, а то и более того.

Много на Печоре живет раскольников, частью приходящих сюда из других уездов Архангельской губернии, а частью и местных жителей, перешедших в раскол беспоповства. Не раз охотники и полесовщики натыкались в лесах печорских на небольшие общины, никому до той поры не известные.

На берегах Печоры, собственно близ самой реки, хороших лесов очень мало, но едва лишь оставишь реку и углубишься на несколько верст в материк — громадные боры встречаются повсюду. Так, например, по р. Ляге, впадающей в Печору с правой стороны, лиственничных

лесов встречается огромное количество, которые под именем ляга-яг тянутся и по правому берегу р. Ильдз до р. Морт-юр на расстоянии с лишком ста верст; в верховьях Ильдзя начинается знаменитая Большая Парма, которая состоит из превосходного сплошного кедрового и лиственничного леса. Вверх по Печоре порода леса заменяется уже сосною и притом такую, в которой по 13 саж. идет иногда в дело. Ниже Троицкого погоста есть кряжи, сплошь покрытые лесами, которые однако никогда не подходят к реке ближе 3 — 5 верст. Таких — то лесов в Припечорском крае по официальному счету насчитывают до 36 млн. десятин, но никому нет еще дела до этих громадных

запасов строительного материала, которые гниют себе спокойно на корню, ожидая того времени, когда русские люди сделаются предприимчивее. А между тем местный житель, пока еще спохватятся добрые люди, кормится от своих лесов как какой варвар. На одном кедре растет иногда 1000 — 1500 шишек, а потому и пожива бывает хорошая; для сбора шишек крестьяне отправляются зачастую всем домом, с чадами и домочадцами и рубят вековые кедры для того, чтобы снять с каждого 1 — 1,5 пуда орехов. «Всех их не вырубил, — говорят они, — на нашу долю хватит». И вот в силу этого убеждения рубят добрые люди без зазора, так как в хороший год одна семья наберет до 100 тысяч шишечек и следовательно понапрасну сгубит сто вековых деревьев. Из тысячи шишек выходит обыкновенно пуд орехов, а цена последнему от 2 до 2,5 рублей.

Недалеко от того места, где Шугор впадает в Печору, ясно виднеется на горизонте Саблягора, тянущаяся на 25 верст в длину, при ширине всего в 3 версты. С виду она словно замок какой-то волшебный с башнями и шпицами, с массивными колоннами и сводами: недаром в народе говорят, что как на гору эту подниматься да зря болтать, так поднимается вихрь, гибельный для неосторожного путника; через гору идут, так больше помалкивают.

Вступая у деревни Кожвы в Архангельскую губернию, Печора достигает громадной ширины и, видимо, кормит мало-мальски трудолюбивого поселенца с избытком; постройка домов, чистота их, большие светлые окна, довольно крупный домашний скот, рыбные бочки вокруг избы — все свидетельствует здесь о довольстве, приволье и границе распространения осинового и иного кача. За Кожвою по Печоре то и дело попадаются большие острова, иной раз раскидывающиеся верст на 10 в длину, покрытые превосходною травой, которая однако, как не в коня корм, по большей части гниет без дела, вследствие малозначительности населения и скотоводства. При устье реки Колвы, близ Колвинского погоста огородные овощи растут уже плохо; толкует люди, что пробовали тут разводить картофель, но безуспешно. Капуста растет хорошо, хотя и не кочанится и вилка не имеет, а идет в листья; огурцы тоже растут, цветут и дают прекрасную завязь, да не созревают; даже репа и редька растут плохо, и потому все овощи получают из Ижмы, где, видимо, обрусевшие крестьяне-ижемцы, при лучших, может быть, климатических условиях приновились к их посадке и выводке. При недостатках во многом, природа куда как щедро наделила этот уголок разными ягодами и грибами; морошка, смородина, черемуха, брусника рождаются прекрасно, и иным годом так много всего этого набирается, что и девать некуда. Рыбой и дичью край до того изобилует, что хоть реку прудил: приспособился тут житель дичь ловить так, как можно ловить ее либо в садках, либо только на Печоре, где птица не пугана, не страшена.

В июле месяце гусь начинает линять и летать уже не может. Тогда несколько человек промышленников отыскивают стаю, сгоняют ее в реку и гонят до того места, где сделаны у них из реки мостки, ведущие в загоны. Вся задача тут в том, чтобы стая не разбивалась; коль заметят, что гуси задерживаются и вообще устали, так останавливаются и кормят их чем придется. По прибытии на сборное место обставляют бока дороги тенетами и таким образом подгоняют, постепенно поднимающихся из реки к загону птиц, где их затем колют. Мясо гусиное, коли побьют гуся на самом месте лова или близко от него, бывает очень вкусно, ну а коли прогонят несчастную птицу далеко, то усталь отзовется на вкусе; бывает, что иной раз набьют за раз 500 — 700 штук, и все это сделается в какой-нибудь час времени. Зимой ловят тут куропаток по несколько сот штук на семью. Было раз, что пять семей наловили в течении зимы 43 000 штук. Весь промысел производится на пространстве всего каких-нибудь 10 верст. Цена куропаток от одной до двух копеек, так что только и берет промышленник количеством лова.

За Кожвою впадает в Печору река Уса, а при впадении ее расположено село Усть-Уса. Вокруг Усть-Усы раскинулись превосходные сенокосы, а на реке — лучший семуужный лов. Семгу здесь ловят так называемыми поплавнями, т.е. редкими прямыми сетями, длиною сажень во сто, а шириною в три и четыре аршина. Лучший лов бывает в ненастье и бурные ночи, когда доброго хозяина палкою не заставишь и собаку на двор выгнать. Зря тоже рыбу вылавливать не годится: и себе не корысть и соседям убыток, а потому и соблюдается в этом промысле очередь. Выйдет лодка с поплавнем на середину реки к тому месту, где обыкновенно начинается тоня, и выбрасывает один конец сети, к которому прикреплен поплавень — широкая деревяшка, не дающая тонути сети.

Чуть только поплавень в реке, дружно заработают веслами рыболовы, направят лодку поперек реки и наскоро выбрасывают весь поплавень, оставив в лодке один конец его с вожалом. Проплывут так известное пространство, сколько на их долю тони отведено, да и собирают поплавень с рыбою. Пока одна лодка возвращается назад, другая тем же порядком закидывает свой поплавень, а там третья, четвертая и т.д..

Держат жители и оленей в тундре, да так полагают, что по мелочи этим делом заниматься не стоит; самим им от домов отрываться для пустяшного стада не хочется, а самоедам догляд

поручить — в убытках будешь. Самоед крепко не долюбивает зырянина и в особенности ижемца, который вовсе его прикрутил и обездолил, и в отместку ему губит его стадо безнаказанно. Оделся местный житель по-своему и нет тут разницы народной: зимушка лютая и хитрого зырянина и простоватого доброго самоедина, и захожего остяка (по-зырянски — егра, а по-самоедски — манча), да и нашего русачка облекла в одни обволоки: куда ни посмотри — везде малица, совик, пимы, люпты и каптерь. Шьют малицу из шкур молодника, оленьего полугодника, а то и постарше, и носят шерстью внутрь; с виду она точно мешок с отверстиями внизу и вверху, чтобы было куда просунуть голову и ноги, а по бокам два прямых рукава приспособлено; по подолу обшивают оборкою тоже из оленьих шкур, черных и белых, шерстью вверх; у рукавов и на шее отвороты из пыжиков; тут и щеголя узнать можно: что ни больше черноты в пыжике, то и малица считается щеголеватее и дороже. По лютой здешней зиме иной раз и малицы недостаточно для обогрения припечорского жителя, и в морозы, а по привычке и в обыкновенное время, сверх малицы, натяливает он на себя еще и совик, который добрая хозяйка шьет презамысловато из старых и молодых оленей; шьется он так же, как и малица, только шерстью наружу и притом с каптырьком или наголовником; носят его и без малицы, так как на это общей повадки и моды нет. На ноги надевают пимы — длинные сапоги, которые натягиваются на ноги чуть не до паха и пояса; делают их из шкурок с оленьих ног, а подошвы вырезают из мягких обрезков щетки оленьих копыт. Люпты только по имени непонятны, а по-нашему просто-напросто — чулки, шьются из пыжиков и надеваются на босу ногу шерстью к телу. Шапка тоже делается из пыжиков и носится то в одиночку, а то иной позяблистее, так и двойную на голову нахлобучит. Женщину почти и не отличишь по одежде от мужчины; разве что малица у них разрезная и украшается лоскутками звериных шкур и сукна разных цветов; на шапках тоже разные прикрасы. Под малицу надевают они сшитые из пыжиков янды или рубахи, шерстью к телу. Летом тоже носят малицы, но только уже самые легкие, из самых что ни на есть молодых оленей; ижемцы летом носят парки, сшитые из сукна, покроем малицы и совика; редко где попадается великорусский зипун или халат.

Севернее Усы впадает в Печору громадная сама по себе Ижма, при посредстве которой и благодаря водному ее притоку Черы, протавивши лодки на расстоянии всего каких-нибудь 600 сажен, можно попасть с Печоры в Черу Вычегодскую и, следовательно, в систему Двины. В 60 верстах от устья этой реки расположен Ижемский погост. Первыми поселенцами на берегах широкой Ижмы были зыряне, которые перебрались сюда частью из яренских, частью из усть-сысольских своих сельбищ и поселились в верховьях Ижмы и впадающей в нее Ухты; прежде жили переселенцы разбросано, да очень уже обижали их казаки и служилые люди, ходившие через эти места с верхотурскою казною, и порешили они соединить разбросанные поселения, скучиться, чтобы шлющим людям острастка была. К этим первым насельникам ижемских мест присоединились потом новые колонисты из зырян, а также и крестившиеся самоеды. Ясное дело, что позднейшие пришельцы совершенно смешались со старинным ижемским поселением, и скоро стало им на Ижме жить тесно; разошлись ижемцы по Ижме и по Печоре и другим ее притокам, так что самое дальнее поселение ижемской волости по Печоре — Кожва — находится от Ижмы в 400 верстах водою и 180 верстах сухим зимником. Село чуть ли не самое большое на Печоре, а всего в Ижемской волости до 40 селений.

Ижемцы — хорошие скотоводы и такое маслице делают, что не уступят в этом лучшим фермам подстоличным; скота они тоже держат вволю, так что есть богачи, у которых и до десяти

коров наберется. Но все это только одно баловство, всем этим ижемцы занимаются скорее ради своего удовольствия, а главный их промысел и притом самый прибыльный заключается в оленеводстве. Толкуют люди официальные, что у ижемцев 250 тыс. голов оленей, да кто их считал, да и можно ли считать их? Ясное дело, что хитрые ижемцы, не желая казаться в глазах чиновных счетчиков особенными богачами, скрыли чуть не на половину свои богатства и дали неверные цифры.

По той же р. Ижме в 200 верстах от погоста и притом там, где р. Ухта впадала в Ижму, стоит селение Усть-Ухта, известное трудами г. Сидорова по эксплуатации припечорских богатств. По-зырянски место это называется Вука-Вом и расположено по лево-

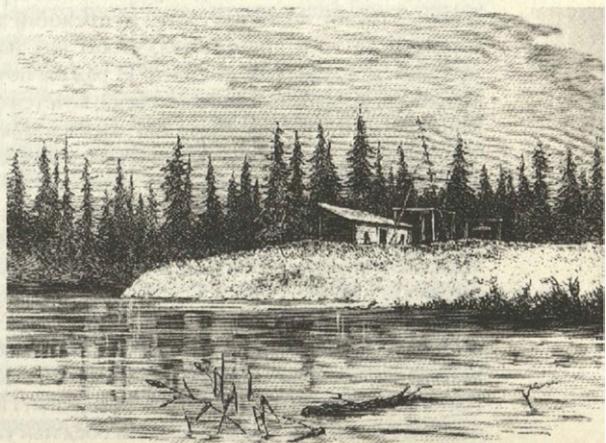

му берегу Ижмы. Великий царь-работник, бывши в Архангельске, узнал о том, что на р. Ухте, притоке Печоры, есть какой-то горючий камень. Он знал, что камень этот доманик, а горючий материал — так называемая горная смола, и потому уже в 1697 году раздобыл эту смолу и отправил образцы в Голландию. Что сталося затем с делом о горной смоле и почему в царствование Петра не было предпринято дальнейших мер к разработке нефти на Ухте — не известно, по всем вероятностям не нашлось, видно, энергичного человека, который бы захотел рискнуть на новое в России дело, а самому Петру было не до Печоры, когда и Нева была такая же неизведанная страна. Только в 1745 году отыскался, наконец, предприимчивый человек, который задумал выполнить Петровы планы. И вот купец Набатов устраивает на Усть-Ухте нефтеочистительный завод. С той поры нефть ежегодно отправляли до 11000 пудов с Ухты в Москву, вплоть до конца XVIII столетия, когда пожар уничтожил и заводы и все постройки, хозяин умер, а с ним вместе сон и дрема восстановились там, где так недавно еще кипела работа. Годы шли за годами, а о печорской нефти не было и помину, и исконное, природное богатство края все лежало втуне. Только в 1864 году г. Сидоров стал ходатайствовать перед администрацией и правительством о дозволении ему заняться разработкою нефти, он просил отвести ему узаконенный участок для добывания горной смолы, но только в 1868 году вышло наконец разрешение сделать ему отвод в количестве одной квадратной версты. Тотчас же этот известный защитник нужд нашего Севера приступил к бурению, и одна буровая скважина дала до 1000 пудов нефти, которая пошла на отопление парохода, приведенного тем же Сидоровым из Петербурга. Затем он отправил 6000 пудов доманику (горючий сланец) во Францию, для извлечения из него газа для освещения Парижа. Французские заводчики одобрили ухтинский доманик, признали его драгоценным для выработки газа, но перевозка, производимая на иностранных судах, обходилась слишком дорого, а русских торговых судов не было, да и не имеется и в настоящее время, и доманику, вместе с горною смолою, суждено видно ждать более счастливых условий.

Из усть-ухтинской горной смолы можно приготовить и керосин, и парафин, и асфальт, и смазочное масло и проч., а из осадков ее в глинистых и известковых породах, называемых домаником, местные крестьяне с давних пор уже готовят разные поделки очень прочные и красивые по внешнему виду, а именно, столешницы, линейки, подносы, шашечницы и т.п. Впрочем, вырабатывают смолу самыми первичными, чуть ли не праотческими способами, и употребляют ее на освещение своих горниц, а также и на желудочную потребу: чуть заболит кто — тотчас угостят смолою, которая, по слухам, помогает от всяких болезней, во всяческих приемах; есть такие смельчаки, что пьют ее по стакану, а иногда и по два в сутки.

Еще севернее Ижмы впаа в Печору Цыльма, или правильнее и по-настоящему зырянско-му произношению Цыль-ва.

Двинский летописец под 1428 годом рассказывает, что какой-то грек Маноила Лариев с товарищем ездил нарочито к Печоре и около р. Пыльмы (Цыльмы) нашел медную руду. По обыкновению ничего неизвестно, что сталося с открытием грека Маноилы, но в 1491 году Иван III будто вспомнил о находке заезжего грека и откомандировал в Печорский край других двух захожих людей, немцев-рудознатцев Ивана да Виктора, придал им в товарищи Андрея Петрова и Василья Болтина, велел искать в тех местах и серебряной руды. Долго ездили рудознатцы, но через 7 месяцев все же таки вернулись и привезли радостное известие, что, искавши руды серебряной, нашли они медную руду на пространстве 10 верст на берегу р. Цыльмы. Дело было подходящее, и великий князь тотчас же приказал приступить к разработке меди и вероятно и серебра, так как с того времени, говорят историки, начали чеканить монету из своего русского серебра. Для разработки медных цылемских руд взяты были рабочие из устюжан, двинян и пинежан, но долго ли продолжались на этом заводе работы и почему приостановлены — неизвестно. Академик Лепехин, говоря вообще о минеральных богатствах Мезенского края, заявлял, что уже в начале XVIII столетия устраивался каким-то приезжим немцем в той же местности медный завод, но жители, из опасения, что попадут в категорию заводских крестьян, старались скрыть отыскиваемую руду, а потом со смертью заводчика и все медное дело на Цыльме снова было оставлено. В народе толкуют, однако, другое.

Есть предание, что в старину по неосторожности шахты обвалились, и землею задавило 30 человек рабочих, а также - что шахты залило водою. Как бы то ни было, цылемское медное дело не пошло в ход и ждет еще предприимчивых и энергичных людей и капиталов.

За промыслами и домашними делами некогда печорцу самому заняться торговлею, а потому и приходится для этого ждать ему прихода стороннего человека. Чердынцы или усольцы, как называют этих странствующих купцов в Пустозерске, с давних пор, чуть ли не со времен новгородчины, ведут по всей Печоре меновый торг. Было время, когда нажива манила их настолько, что они являлись сюда на мелких и плохих судах и зачастую оставляли здесь на дне глубокой реки и товары свои и белые косточки, но прошли года, и мало-помалу торговцы стали улучшать постройку своих торговых судов. Каюки стали делать и прочнее, и укладистее, и красивее, так что и с виду каюк непротивен, да и груза помещается в нем от 3 до 5 тысяч пудов. Торговать на Печоре - дело выгодное, а потому и число торговцев с каждым годом увеличивается, и бывают года, когда с Якшинской верховой пристани отправляются вниз до 50 и 60 каюков.

И чего-чего только не везут чердынцы: есть тут и китайская травка, что облюблена так русским человеком, да не претит и всякому инородцу, и хлеб желанный - ржаной, что дороже сахара, и соль, из-за которой печорцы рады бы Бог весть что отдать, так как без нее рыбу девать некуда, и сахар - лакомый кусочек для беседы за самоварчиком, и мед, что служит зачастую сахарную службу, и крупчатку для попов, зажиточных хозяев и начальства, и крупы разные, и красный товар на самоедскую пагубу, на зырянскую щепливость, и холст, с каждым годом все более и более проникающий в тундру на праздничную рубаху поверх малицы, и сукна цветные да яркие, веревки, пахлая, лен, посуда, орехи, калачи и жамки, сальные свечи и сапожный товар - все, одним словом, что может приглянуться и русскому человеку, и зырянину, да и такому невзыскательному покупателю, каков самоедин. Немало наживают от этого торгова промышленные чердынцы, а толку краю Печорскому от их великой наживы нет, так как плата за товары уходит из их страны и пользуется ею народ пришлый, которому и горюшка мало о Печоре - было бы хорошо и уютно у него на Чердыни.

Ездит сюда чердынец больше на каюках, которые представляют собою словно плавучий магазин, где и печорец и самоед найдет все, что нужно ему в его неприхотливом обиходе. Дело ведется у чердынцев по старозаведенному обычаю и из года в год все так же. Торгуя они очень искусно, друг другу конкуренцией глаза не выедают и цен на свои товары не сбивают, да и на местные товары не накидывают, действуя дружно - благо весь скуп их Чердыни и Устьесольска не минует. Заранее, еще в Якше распределят они всю Печору, словно свою вотчину, и наметят, кому где остановится, где кому торговать, где кому наживать; один пристает к Тельвиске, другой к Куе, третий в Ижме, а иной позабористее на наживу, так уйдет вверх по печорским притокам - то в тундру, в самое ее сердце, то к Уральским горам, благо и там живет бесталанный народ, которому не прожить без чердынского привозного добра. Товары отпускают на веру больше, в долг, а покупатели так привыкли к простоте отношений, что и цены не спрашивают, а просто забирают, что понадобится, да по нраву придется, зная, что объявится цена по окончании летнего промысла, при расчете.

Медленно движается по реке неуклюжий каюк. Вот он причалил к берегу - лавочка открыта, и не успеет добрый человек опомниться, как все товары уже поразобраны и только в книжечке у тоговца отметок поприбавилось, что отпущено, мол, Кирилке на 5 рублей, а Кузьме на 4 с полтиною и т.п. Еще долго до расчета половина позабранного съедена или пошла на домашний обиход и на промысловое дело; приехал печорец в свое селение с белою промысловою рыбью, и пошел расчет за старые грехи, за прежний забор; печорец рад рассчитаться по-божески, да торговец на то и аршин съел, чтобы над народом измываться, благо беден он и в товаре нуждается, а деньгами не силен. И рад бы печорец поторговаться, да не вышел, зная, умом и добытком против наезжего человека; хочется ему кредит свой упрочить, чтобы и напередки ему верили в долг, так как иначе ему хотя в петлю лезть, да наталкивается он на такого человека, что не очень с ним станет разговаривать и думает, что, отпустивши в долг товар, сделал невесть какое одолжение и добро. Когда отпущенный товар весь изведен: чай выпит, хлеб наполовину съеден, хоть опять за кач принимайся, холстина и ситцы пошли на платья и рубахи, из пеньки понаделаны сети и канаты, а солью засолена рыба, то спор короток, и торговец скажет только: «цена не по нраву - заплати долг деньгами, а рыбы мне не надо». Ну, поспорят иногда для отвода сердца, да и начнут перетаскивать бочки с рыбой в каюки, которые и идут затем вверх по Печоре и дальше до дома, пока охотка на поживу на следующий год не выгонит их владельцев на новую поездку в привольные печорские места. И как не дорого достаются ему всякие товары, все же житель нижней Печоры, или пустозер и не весть как рад бывает всякому захожему человеку. Гостеприимство здесь такое, что на верхней Печоре и у чердынцев в поговорку вошло; никогда никто не возьмет денег за ночлег, за обед или ужин, несмотря на то, что каждая такая еда стоит

целого дня промысла.

Пустозеры довольно высокого роста, красивы — в особенности женщины — и говорят все чрезвычайно чисто по-русски, да оно и не мудрено, так как они считают себя прямыми потомками новгородских переселенцев. Суровый климат, да к тому же и трудовая жизнь должно бы, по видимому, сокращать здесь человеческую жизнь, а между тем старики 80 и даже 90 лет здесь вовсе не редкость, и все они совершенно еще крепки и бодры на вид. Села пустозерские разбросаны по холмам, без огородов, без того, что глаз привык обыкновенно видеть в крестьянском русском сельбище и подле него; кое-где по сторонам села разбросаны чумы самоедов, что придает опять-таки совершенно своеобразный характер человеческим поселениям на нижней Печоре вместе с десятками деревянных старинных крестов, чернеющих то тут, то там вблизи селения.

Живет коми так же, как живет и всякий другой насельник холодных окраин России. Коли есть у коми добыток, коли не принужден он перебиваться изо дня в день, то и логовище его выстроено хозяйственно, чистенько и просторно — благо леса ему не занимать стать и не идти в люди кланяться. Копоти он не любит, а потому и вывел в избе своей трубу — было бы откуда дыму выходить и глаз ему не резать. Вдоль главной наружной стены вывел он залавок, да такой причудливый и расписанный всеми имеющимися яркими красками, что диву даже вчуж дашься, как это у коми в глазах не рябит; тут в украшениях залавка и вкус хозяина тотчас увидеть можно да и зажиточность его, так как иной выведет его выкрутасами разными до такой степени, что хоть и не садись, а только любуйся. В залавке этом прилажен шкафец для посуды, а также и на прятку всякой мелочки которой так много во всяком крестьянском обиходе. И шкафец, и стол, и залавок, наконец, не беляком стоят перед глазами, а пущены все в разные цвета, причем на зырянский вкус более приглядными и желательными являются красный, зеленый и отчасти желтый цвета. У несколько зажиточного коми всегда, кроме самой жилой горницы, найдется и другая — чистая (кум), где хозяин может и гостей принять и справляет всякие домашние пиршества и торжества; есть в этой горнице не полагается, а так с чистою работою в руках посидеть допускается, только бы не загрязнить ее и не ввести вместе с нечистою поделкою нечистых и сторонних, вовсе не нужных обитателей, вроде тараканов и другой ползучей и скачущей дряни.

Иное дело у бедного люда, что не успел за недостатками сколотиться и на жиле даже приличное; тут и теснее в избе, и темнее, и тщетно посетитель стал бы искать типичный залавок, а тем более «кум»; бывает даже и такая нищета, что и избу-то себе сделает курную, так что во время топки дым из чела лезет прямо в избу, а оттуда уже направляется наружу или через настежь отворенную дверь, или в надверник — дыру, пробитую над самою дверью и задвигаемую при ненадобности изнутри особо к тому приспособленной доскою. Однако и на этот случай ухитрился коми и, пользуясь, видно, тем, что «Бог младенца бережет», приладил к печи деревянную дымовую трубу, вывел ее в сенцах через крышу, а поверх крыши над трубою поставил деревянную же башенку — разукрашенный опять-таки разными выкрутасами и покрашенный поярче на зырянскую стать. Как истопится печь, так, пожалуй, и тепло станет в избе, в особенности в верхних частях, а потому хозяин с семьей своею и живет больше в верхней части своего логова; здесь на этот случай примощены полати, тянущиеся чуть ли не в пол-избы. Иной захожий, не знающий обычаев человека удивится, увидав все коми семейство сидящим на вышке, но, видно, «нужда заставила калачи есть», и почти весь день проводит семья там, на полатях. Там и работа идет, и еда совершается, и родится коми, и умирает, там и спит, если только старые кости не потребуют еще большего тепла и не загонят в еще более теплое местечко, на печь, где так охотно нежится и русский человек. Изумится также новичок, пожалуй, и оттого, что окна в коми избе расположены в два ряда, а по бедности иной раз, хотя и в один ряд, но зато так высоко, что рукой до них не достанешь. Между тем дело объясняется весьма просто, так как время в коми семье проводится больше на вышке, на полатях, так что и свет туда больше нужен, чем в нижнюю часть помещения. Беднота зырянская плохо живет, так плохо, что удивляться лишь приходится, как это давно она не вымерла; но и то в расчет принять следует, что баба здешняя не в меру вынослива, а сам коми летом в поле, на реке на лов, а зимою на охоте больше живет в своей зимушке и семьи не видит иногда по целым месяцам.

От холодной зимы да от осенней завирюхи кутается коми в малицу и совик, которые мастерит либо сам собственными средствами, либо по франтовскому едет в Ижму и покупает их особенно разукрашенными на вкус и лад самоеда, зырянина и русского человека. Женщины зырянские носят летом сарафаны и ненавидят городскую оболочку — платье с лифом и юбкой, на которое так падки русские бабенки; сколотиться на желтый сарафан для коми — верх желаний, так как он почитается верхом моды и щепливости. За работою не редко можно увидеть и баб, и девок в одних рубашках, причем рукава и верхняя часть рубахи до груди делается из холста, а стань — из синей или красной крашенины.

Ест коми вообще не затейливо, хотя и получше степняка-мужика, который мяса и в Христов день не видит. Едят они в скромные дни ячневые или овсяные щи, которым только слава, что они щи, а капуста в них и пахом не пахнет, разве иная хозяйка крапивки понабросает ради густоты, благо крупка-то дорога очень. Подболтку делают, коми коровка найдется или олениха молочная, из паханья, а то кислого молочка вольют в щи. В постные дни щи варят на квасу с тою же крупкою, а по богатству и с капустою, да подбавят в них любимую рыбку свою, которой новый человек ни за что есть не станет — сайду. У доброй хозяйки, если только достатки позволяют некоторую в еде роскошь, всякого печенья найти можно вволю: напечет она и колобков и шанег из ячной муки с крупкою или с творогом, коли найдется коровка, и блинов жирных — сочней, а в большие праздники понаделает она на заедки, т.е. по-нашему на пирожное — «ляс»; наберет она ягод черемухи или черники и засушит их в печке, затем истолчет и сварит нечто наподобие киселя; хоть на вкус и не ахти свет как приятно, а только сытно и не дорого обходится. Ляс — народное зырянское блюдо, и без ляса ни одна хозяйка приезжего человека не отпустит, так как он даже и в поговорку перешел, и сказывают про негостеприимного человека: «хоть бы ляса подал, так и то нет!» Тоже и есть этот ляс надо уметь; так, зря ложкою хлебать не годится, не принято, а или пальцем забирай с тарелки или же хлебом, и скажут тогда про человека, что он вежеству изучен, а не колотырник.

В трудах непрестанных и постоянной борьбе с природою проводит жизнь свою коми семья, а потому все ее члены равно обязаны бороться и трудиться. Ясно, что если равны обязанности обоих полов, то должны быть равны и права их. Так видно, и посмотрел на дело коми, у которого положение женщины вовсе не так резко отличается от положения мужчины, как у русского человека в тех местах, где баба возится подле дома, а вся полевая тяжелая работа лежит на мужике. Правда, здесь на охоту баба с мужиком не ходит, так как это вовсе не бабье дело, и баба лишь мешать может в посовании по своему мягкосердию, а также и по примете, что в охоте баба помеха; но зато в других отраслях хозяйства баба что твой мужик справляется; понадобится конька оседлать да в лес съездить — и тут баба за любого казака сойдет, так как садится не по женскому обиходу; гоньба почтовая — бабе не петля, так как и в этом деле она — не последний мастер и так-то скачет, что разве иному самому ухарскому ямщику уступить. Пока женщина не вступила еще ни в чью семью, она вполне независима и самостоятельна, и немало времени вокруг ее походить надо, пока она согласится девичью волю свою променять на некоторое стеснение этой воли в семье, в браке. Нельзя не сознаться, что между замужними женщинами, быть может, нигде так нравственность не высока, как в зырянском крае, и нет вернее по всему Припечорью коми жен, которые поистине могут послужить примером для наших русских женщин, живущих в том же Богом забытом крае.

Тоже не весь год на работе коми, и полагаются им посмеяться маленько и повеселиться. Собираются они зимою на поседушки, где угощаются пивом и вином и веселыми разговорами; тут на поседушках-то и устраиваются знаменитые зырянские помолвки, на которые родители смотрят совершенно благодушно, так как, значит, девка в года вошла. Собираются бабы еще и в банях, которые у зырян несут службу клубов наших для татоторок и переборщиц чужих пороков; бани во весь год топятся, и все соседи сходятся в баню к тому, у кого она в тот день топится; найдется тут и водочка, без которой у голодного зырянца пир не в пир и веселье не в веселье.

И с лица зырянин не похож на русского человека: лицо у него поплосче, скулы выдались и глаза чуть-чуть с внешних краев приподнялись. Волосы у него по большей части самых темных тонов, сам он ростом не высок, коренаст и мускулист, как кряж добрый; с лица он приятен так как и скуластость его как-то не заметна. Красивы очень зырянки, и жениться на одной из них составляет для русского припечорского насельника, а также и для волокжанина предмет его постоянных желаний и искательств, так как и красива баба, да и в дело годится — ни перед чем не испугается, не смергнет. Зырянин умен, охотник великий до общественности, способен на всякое ученье, переимчив и крайне любознателен. Он трудолюбив и ради того, например, чтобы расчистить себе под посев полдесятины земли, готов промучиться целый год; но в том-то и беда, что мачеха-природа лишь изредка погладит его по головке, а норовит больше все гладить против шерсти. Зыряне честны и только недавно стали в Зырянском крае вводиться замки, которых до той поры даже и не знали; они предприимчивы, сметливы, отважны и способны к ремеслам. Надо и еще отметить одно зырянское качество, которого, как ни ищи у русского человека, не разыщешь, а именно, всякий зырянин сострадателен и зря животное мучить не станет. Вообще, говоря о качествах зырянца, приходится пожалеть, что частная предприимчивость из-за разных сторонних влияний никак не укрепится в крае, так как лучшего производителя как зыряне, и сыскать трудно.